

Научная статья
УДК 130.2
doi: 10.17223/1998863X/84/10

ТЮРЕМНАЯ «ПРОПИСКА» КАК КОРРЕЛЯТ АРХАИЧЕСКОЙ ИНИЦИАЦИИ

Сергей Борисович Пономарев

Филиал Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний, Ижевск, Россия, docmedsb@mail.ru

Аннотация. Являясь одной из наиболее агрессивных контркультур, тюремная субкультура обладает набором специфических обычаев, ритуалов, к которым относится ритуал посвящения (тюремная «прописка»). Эта церемония проводится по сценарию, сходному с правилами инициации, существующему в архаических сообществах. Рассмотрены основные этапы сценария тюремной инициации (отделение, переход, инкорпорация).

Ключевые слова: инициация, посвящение, тюремная «прописка», тюремная субкультура, тюремные касты

Для цитирования: Пономарев С.Б. Тюремная «прописка» как коррелят архаической инициации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 112–122. doi: 10.17223/1998863X/84/10

Original article

PRISON “REGISTRATION” AS A CORRELATE OF ARCHAIC INITIATION

Sergey B. Ponomarev

Branch of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Izhevsk, Russian Federation, docmedsb@mail.ru

Abstract. One of the characteristics of the Russian cultural space is the existence of aggressive counterculture. The distinctive features of the prison subculture include such a phenomenon as prison “registration”, which is a procedure for accepting newcomers into the community of prisoners. Prison “registration” is an analogue of the initiation ritual, existing in many archaic cultures. The main stages of initiation are subject to a single algorithm: (1) a three-part temporal division of the ritual: preliminary, liminary and postliminary phases; (2) the plot line in the initiation scenario as a ritual death and resurrection in a new quality; (3) mythological reactualization, consisting in the transformation of the meaning of the existence of the individual in the new community; (4) participation of the initiator’s personality; (5) lustration of the neophyte. The ritual of prison “registration” is associated with the archetype of the Great Mother. The initiation rite can be divided into three stages: (1) separation, (2) transition, and (3) incorporation. The stigmatization of a neophyte consists of: (1) a verdict on the classification of the newcomer into a particular prison caste, (2) assignment to the newcomer of a prison nickname, (3) branding of the newcomer – applying a tattoo encoding the person’s position in the prison hierarchy. Prison initiation games and guessing prison riddles play a huge role in the “registration” ritual. The unified structure of the initiation procedure in the prison subculture and in archaic societies allows classifying prison “registration” as a phenomenon of cultural homoplasy. The reason for the similarity between the “registration” ritual and primitive initiation is the reduction of complex forms of social life.

Keywords: initiation, dedication, prison “registration”, prison subculture, prison castes

For citation: Ponomarev, S.B. Prison “registration” as a correlate of archaic initiation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 84. pp. 112–122. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/10

Культура как комплексная система ценностей и правил поведения складывается из взаимодействующих между собой субкультур – интерсубъективных страт общества, сформированных по правилам демографического, национального, социального, профессионального единства [1–3]. Одной из отличительных характеристик российского культурного пространства является существование развитой и агрессивной контркультуры – так называемой тюремной субкультуры [4, 5], развитие и становление которой связано как с наследием эпохи ГУЛАГа, так и с преступными 90-ми гг. XX в. [6, 7].

Российская тюремная субкультура обладает множеством специфических обычаев, ритуалов, развитой системой тюремных табу и тюремных тотемов [8], особым «воровским» языком. Жизнь в местах лишения свободы жестко регламентирована неписаным каноном тюремных моральных ценностей («тюремным законом») [9]. В тюремном сообществе процветает кастовая система, предусматривающая, в частности, наличие страты «неприкасаемых» – лиц, принудительно используемых для гомосексуальных контактов [10].

К отличительным признакам тюремной субкультуры относится такое явление, как тюремная «прописка», представляющая собой процедуру принятия новичков в сообщество арестантов. Результаты «прописки» влияют на определение нового социального статуса человека, оказавшегося в местах лишения свободы: по окончании испытаний коллективом заключенных, во главе которого стоит так называемый авторитет, выносятся вердикт о том, к какой тюремной страте (касте) необходимо отнести вновь прибывшего арестанта [11]. Считается, что в пенитенциарном культурном пространстве существует несколько больших каст (так называемых мастей). Это «воры», «мужики», «козлы», «черти» и «отверженные» («петухи») [8, 12, 13], а также многочисленные подкасты, качество и количество которых зависит от многих факторов (порядки в исправительном учреждении, его местоположение и т.п.) [8]. При этом вердикт о социальном статусе нового сидельца, вынесенный по результатам прохождения испытаний, как правило, является окончательным и не подлежит пересмотру.

В.Ф. Пирожков считает, что ритуал тюремной «прописки» можно рассматривать с нескольких позиций [14]. Помимо того что она носит функцию проверки новичка на выносливость и пригодность к дальнейшему существованию в условиях отбывания наказания, с ее помощью осуществляется, как было сказано, также и отнесение неофита к конкретной неформальной социальной группе. Человек, успешно прошедший испытания, в дальнейшем продолжает обучение преступному промыслу, втягиваясь в криминальную деятельность, пополняя тем самым ряды апологетов тюремной субкультуры [14].

Тюремная «прописка» является аналогом ритуала инициации (посвящения), существующего во многих архаичных культурах [15, 16]. Основная функция посвящения – социализация новых членов сообщества. В первобытном социуме молодежная инициация – это совокупность ритуалов и обычаев,

закрывающаяся в фиксации факта перехода юношей в категорию взрослых [16]. Примечательно, что ритуал посвящения не только вводит человека в новый круг общения, но и открывает ему новый мир духовных ценностей [17]. Цель инициации – это радикальная трансформация религиозного и социального статуса посвящаемого, онтологическое изменение экзистенциального состояния личности, рождение нового «Я». Феномен инициации наблюдается не только в первобытных племенах, но и, в той или иной мере в современном обществе – при приеме в коллективы людей, объединенных по признакам профессиональной, религиозной и иной принадлежности (клятва Гиппократа, воинская присяга, крещение, вступление в брак и т.п.). Не случайно М. Элиаде считал, что инициация является одним из наиболее актуальных феноменов в истории человечества [17]. В настоящей работе представлен авторский взгляд на феномен тюремной прописки в плане ее сравнения с некоторыми особенностями и правилами обрядов инициации, существующих в архаичных культурах.

Известно, что основные этапы прохождения инициации подчинены единому алгоритму [15]. Среди общих признаков, в той или иной мере характерных для любого вида посвящения, можно выделить такие, как 1) наличие трехчастного темпорального деления ритуала с выделением прелиминарной, лиминарной и постлиминарной фаз; 2) генеральная сюжетная линия в сценарии инициации – это ритуальная смерть и воскресение в новом качестве; 3) лежащая в основе ритуала посвящения мифологическая реактуализация, заключающаяся в трансформации смысла существования личности в новом сообществе; 4) участие в ритуале личности инициатора – таинственного носителя некой сакральной истины; 5) люстрация неофита, придание ему нового имени, клеймение [18] (как пишет И.В. Випулис, под люстрацией применительно к обряду инициации следует понимать совокупность культовых манипуляций, связанных с действием некой очистительной силы [18]; клеймение неофита – это нанесение внешних маркировочных знаков: татуировок, шрамов и т.п., свидетельствующих об успешном прохождении испытания). Единое строение процедуры инициации в различных социумах позволяет отнести данное явление к феномену культурной гомоплазии, который характеризуется наличием сходства ряда синхронистичных культурных явлений у различных народов [19]. Таким образом, в культурах мира существует множество различных обрядов посвящения, построенных по сходному сценарию [15]. Общим для всех них является прохождение неофитом испытаний, которые, как правило, сопровождаются воздействием на психику и физическое состояние нового члена социума. В архаичных обществах атрибутами посвящений были избиения, наказания розгами, отрезание пальцев, выбивание зубов, обрезание крайней плоти, иссечение мочеиспускательного канала, укусы ядовитых насекомых и т.д. [8]. При прохождении обряда инициации испытуемый должен показать крепость духа и силу воли, достойно вступить в круг полноправных членов своего племени. В противном случае он подвергался различным видам наказания: бойкоту, ostracism, символически переводился из мужчин в женщины [8].

Как считает М. Элиаде, практикуемые при посвящении пытки являются воплощением заключительного этапа танатогенеза – терминальной предсмертной агонии. Как было сказано, сценарий любого посвящения символи-

чески состоит из двух частей. Первая – это смерть личности в прежнем, покидаемом им мире, вторая – его рождение в новой реальности. Ритуальные действия первой части инициации (увечья, избияния и т.п.) связаны с угрозой смерти. Это находит свое отражение также и в используемых в инициации атрибутах: наводящих ужас масках, символах смерти, крови животных и т.п. [17]. Вторая часть процедуры – это рождение человека в новом качестве, которое невозможно без его предварительной смерти [15]. По поводу сказанного Д. Фрезер отмечал, что в мироощущении примитивного человека смерть является первым шагом к грядущему воскресению, подобно тому как зимнее увядание является началом весеннего пробуждения [20]. После прохождения инициации неопит начинает воспринимать новую для него мифическую картину мира как реальность, путь к которой он прошел через личный опыт смерти [18].

Так же как и в древних племенах, тюремная «прописка» в местах лишения свободы – это ритуал, олицетворяющий символическую смерть нового сидельца в покидаемом им свободном мире и его воскрешение в новом качестве в темном мире тюрьмы. В.Е. Письменный пишет «В ритуале инициации тюрьма одновременно предстает в двух ипостасях, тесно связанных между собой. Она становится могилой для человека, пришедшего извне, одновременно предстает и материнским чревом, из которого рождается ее сын, получая при рождении новое имя, имеющее значение только в системе тюремно-воровской субкультуры» [21. С. 120].

Таким образом, ритуал тюремной «прописки» связан с архетипом карающей, убивающей и дающей новое рождение Великой матери. Он сходен с обрядами инициации, существующими в некоторых примитивных племенах. В качестве примера можно привести обряд посвящения, существующий в племени Кунапипи (Австралия). При проведении этого обряда юношей-инициантов помещают в специальную хижину, имеющую вид морского монстра, который их «проглатывает» и из которого, после акта символической смерти, юноши вновь рождаются на свет, но уже в новом качестве – как полноправные члены мужского коллектива [17]. Причинение физической боли и ущерба при проведении обряда инициации символизируют то, что неопит не просто убит чудовищем, но разжеван в пасти и переварен в его утробе [15].

В тюремной субкультуре коррелятом такой хижины-зверя является камера следственного изолятора (на тюремном сленге – «хата»), в которой осуществляется инициация. А сама тюрьма здесь выступает в ипостаси юнговской Великой матери [22], которая, по мнению Ю.М. Антоняна, в тюремной субкультуре принимает облик безжалостного сверхъестественного существа женского пола, страшного чудовища, несущего горе и лишения новому обитателю тюремного мира [23]. Тюрьма в ритуале «прописки» становится фантастическим монстром, Ужасной матерью [24], которая сначала символически убивает, съедает человека, а затем рождает его в новом качестве – как полноправного члена тюремного братства.

Вместе с тем, в отличие от «классической» процедуры инициации, тюремная «прописка» имеет свои особенности. Так, символически умирая, неопит не возвращается в мир живых, он «воскресает» в царстве смерти, каковым представляется осужденным их мир («Мертвый дом», по Ф.М. Достоевскому). То есть, исходя из этой логики, рождения в новой реальности для заключенного нет. По мнению И.В. Випулис, в «отличие от архаического

пребывания в Хаосе, после которого следовала необходимая люстрация и последующая сакрализация индивида, в тюремном варианте этого не происходит» [18. С. 134]. Автор считает, что здесь мы имеем дело с псевдоинициацией, так как вторая фаза инициации – ритуальное воскресение человека – происходит не в мире живых, а в Аиде – загробном мире [18], каковым, в представлении заключенных, является тюрьма [8].

Характеризуя современные ритуалы посвящения в мужских коллективах (учебные заведения, тюрьма, армия), отечественный философ И.С. Кон отмечает, что жестокие и издевательские действия (часто сексуально окрашенные, например, раздевание догола, ощупывание гениталий, символическое, а иногда и реальное, изнасилование) во время церемонии посвящения направлены на создание ситуации бездумного подчинения неофита правилам поведения принимающей его группы [25]. Пройдя ритуал посвящения, человек теряет способность разграничить рациональное видение окружающего мира от мифологического восприятия действительности. Откровения, явленные ему при инициации, настолько глубоко запечатливаются в его сознании, что, подобно реализации физиологического эффекта импринтинга, неофит полностью погружается в новую социокультурную реальность. Так как ритуал инициации становится большим потрясением для иницианта, важной точкой его жизни, происходит «сбой» в психике человека с подавлением самостоятельности в осмыслении окружающего мира.

Как считает И.С. Кон, в обряде посвящения можно выделить три основных этапа, которые автор обозначил, как 1) «отделение», 2) «переход» и 3) «инкорпорация» [25].

Рассмотрим каждый из этих этапов по отдельности применительно к вхождению человека в тюремное социокультурное пространство.

«Отделение», т.е. изъятие из привычной среды, сопряжено с психологической реакцией человека на арест и заключение под стражу. На этапе «отделения» наблюдается трансформация личности, ведущая к дезорганизации рассудочной деятельности. В этом психически измененном состоянии человеку присущи чувство отчаяния, депрессия, озлобленность, часто агрессия и экспрессивные выходки [26]. Будучи лишен свободы, находясь в состоянии тюремной депривации, человек перестает объективно оценивать происходящее, начинает совершать неадекватные действия. Этапу «отделения» в архаических культурах соответствует период подготовки к ритуалу посвящения. Это могут быть: запрет на использование речи, запрет на резкие движения, соблюдение многодневного поста, применение отравляющих и галлюциногенных веществ, длительное содержание в условиях изоляции – в специальных хижинах, пещерах и т.п.

«Переход» (основная часть тюремной «прописки»), как и в архаических ритуалах посвящения, представляет собой испытание на переносимость боли и крепость духа новичка, его способность перенести предстоящие тяготы и невзгоды, связанные с жизнью в мире тюрьмы. Это проверка на прочность будущего члена тюремного сообщества, тест на умение постоять за себя, проявить смекалку и сообразительность [8, 14]. В целом «переход» можно охарактеризовать как череду испытаний, издевательств и пыток, цель которых – освобождение неофита от прежней идентичности и обретение им новой личности.

Эта часть ритуала тюремного посвящения, как правило, состоит из двух частей: 1) так называемые приколы (тюремные игры) и тесты на смелость; 2) разгадывание загадок.

Существует большое число тюремных игр и «приколов», составляющих первую часть «прописки». Здесь можно назвать такие испытания, как «Солнышко», «Три товарища», «Водитель автобуса», «Подвиг Гастелло», «Летчик и шахтер», «Проверка зрения» и т.д. [8]. Любая тюремная игра состоит из двух логических пластов: первый – это те правила, которые сообщаются неопиту; второй – это истинная цель задания, заключающаяся в причинении боли и (или) изощренном унижении нового сокамерника. Реальная задача неопита заключается в том, что он должен обнаружить скрытый обман, который содержится в игре. Приведем в качестве примера тюремную игру «Водитель автобуса». Инициант становится на четвереньки, и на него садится один из сокамерников. Движение импровизированного автобуса начинается. Во время поездки «водитель автобуса» должен время от времени объявлять остановки. Игра продолжается до тех пор, пока неопит не догадается сказать: «Последняя остановка. Автобус дальше не идет».

Следующий этап «прописки» заключается в разгадывании загадок. Любой неправильный ответ здесь неминуемо ведет к переводу испытуемого в презираемые касты «петухов», «чертей», «шестерок». При этом для человека, как правило, исключается дальнейшее (в течение всего срока отбывания наказания) изменение закрепленного за ним социального статуса. Сама логика тюремной загадки сконструирована так, что, на первый взгляд, не дает возможности человеку выбрать вариант, при котором он может воздействовать на благосклонность судьбы в тюремном мире. Поэтому при ответе необходимо проявлять смекалку и находчивость (подробно об использовании законов формальной логики при решении тюремных загадок изложено в наших предыдущих работах [8, 27]).

После прохождения описанных этапов инициации следует заключительная фаза «инкорпорация» – обретение новой социальной роли, «вливание» человека в новую социальную общность [25]. Здесь «инициант дает клятву верности идеалам воровского мира, кровно братается с членами группы (например, накладывают руки друг другу кровавыми порезами), инициатор – вор-авторитет – объявляет его маркировку (кличку, статус в группе – „вор – мужик – шестерка“ и т.д.)» [18. С. 134].

Стигматизация неопита заключается:

1) в вынесении вердикта об отнесении новичка к той или иной тюремной касте;

2) присвоении ему тюремной клички, отражающей статус человека в тюремной иерархии;

3) клеймлении – нанесении татуировки, кодирующей положение человека в неформальной тюремной иерархии [9].

Необходимо подчеркнуть, что в примитивных культурах татуировка выполняла роль магической метки, оберега от злых духов. Она позволяла отличить членов своего племени, обозначить ранг и статус ее владельца. Тюремная татуировка, подобно татуировке дикаря, выступает в роли средства самоидентификации, несет смысловую нагрузку, свидетельствуя о положении ее носителя в тюремной иерархии. На воровском жаргоне совокупность

татуировок, свидетельствующих о приметах и особенностях личности заключенного, носит название «фрак с орденами» [28]). Так, по татуировке можно получить информацию о том, по какой статье был осужден ее обладатель, какой преступной деятельностью он занимается, сколько «ходов» в его «послужном списке» и т.д. [29]. Информативны тюремные «перстни», аббревиатуры, изображения крестов, свастики, костей и черепов, «воровских звезд», колюще-режущих орудий и т.п.

Насильно делают идентифицирующие татуировки представителям стра- ты «петухов». Это может быть: женщина в объятиях черта, свинья, порнографический рисунок и т.п. На ягодицы «петухам» наносятся изображения человеческих глаз, улья, открытых ворот и т.п. [8].

В целом тюремные татуировки способствуют формированию определенных стереотипов поведения человек в условиях отбывания наказания, кодируют правила жизни, царящие в преступном сообществе [8].

Заключительным этапом стигматизации сидельца является его наречение: выбор нового имени – примитивной тюремной клички, прозвища, которое значительно трансформирует личность человека [12]. Отрешение неофита от старого, привычного мира, от своего бывшего «Я», от смысла жизни происходит путем отказа от прежнего имени [8, 21]. Говоря об обычаях инициации, М. Элиаде отмечает, что имя неофиту в архаической инициации традиционно присваивалось непосредственно после прохождения процедуры приема в члены племени. При этом оно становилось тождественным самой жизни человека, приобретая статус некоего «духовного существа» [17]. Известно, что для того, чтобы получить новое имя, североамериканские индейцы обращались к духам предков, к богам своего племени [20].

Аналогичное явление наблюдается и в местах лишения свободы. Если кличка у неофита отсутствует, то нередко происходит следующее: один из заключенных начинает кричать в окно: «Тюрьма, дай кликуху!» После этого все обитатели камеры слушают, что ответит трансцендентальное существо, безжалостное воплощение архетипа Великой матери [22] по имени «Тюрьма» [23]. Это могут быть звуки радио, крики заключенных из других камер, разговор охранников. В этом случае мы наблюдаем весьма интересный феномен персонификации тюрьмы [21], ее одушевления.

Как видим, многие явления, свойственные ритуалу тюремной прописки, являются своеобразной калькой с архаических инициаций, описанию которых были посвящены работы многочисленных культурологов, антропологов, социологов, философов, этнографов начиная с XIX в. [15–17, 20]. При этом описанные в статье проявления российской тюремной субкультуры нередко до мельчайших подробностей повторяют особенности, существовавшие в культурах примитивных племен Африки, Америки, Австралии. Поэтому вполне справедлив вопрос: «Почему в российском тюремном сообществе, никак не связанном с древними первобытными племенами, в короткий исторический срок произошел уникальный культурогенез, возродились паттерны поведения, существовавшие в древних примитивных обществах?» Естественно предположить, что должна существовать некая единая детерминанта, формирующая одинаковые стереотипы поведения при проведении ритуала инициации как в первобытном племени, так и в современном сообществе заключенных. Здесь уместно сослаться на мнение М. Мамардашвили о том, что

в условиях редукции сложных форм социальной жизни на передний план выходят ее примитивные формы, дающие появлению типа людей, который автор называет элементарными [30. С. 65]. Указанное проявляется в первую очередь при взаимодействии незащищенного, не вооруженного достижениями цивилизации первобытного человека с непредсказуемыми, жестокими и опасными силами природы. Как пишет В. Тернер, «жизнь в африканской деревне коротка, трудна и опасна: засухи, голод, высокий уровень заболеваемости и смертности, а в историческом опыте – это еще междоусобицы, войны, продажа в рабство» [16. С. 15]. В таких условиях создается благоприятная почва для появления примитивных культурных проявлений: спиритуализма, тотемизма, фетишизма, табу и т.п. [8]. В этот же ряд можно поставить и архаическую инициацию. В условиях современного пенитенциарного пространства на человека также действуют мощные факторы редукции социальной жизни. Будучи лишен свободы, он мучается от чувства неопределенности, страха за собственную судьбу, страдает от разлуки с близкими людьми, с привычным социальным окружением. Режим содержания в исправительном учреждении вкупе с действием специфических пенитенциарных факторов (недостаток чистого воздуха и солнечного света, гиподинамия, сенсорная, информационная, сексуальная депривации и т.п.), изнурительное ожидание окончания срока отбытия наказания негативно влияют на психику, способствуют примитивизации потребностей и чувств заключенного, снижению его интеллекта, упрощению социальных связей между сидельцами, атомизации их отношений. Можно предположить, что в этих условиях пробуждаются дремлющие в глубине психики человека хтонические силы, всплывают универсальные алгоритмы поведения, первичные «схемы человеческой души» [8. С. 30], обнажаются скрытые глубинные структуры, реализующиеся в генезисе многих проявлений тюремной субкультуры (тюремные тотемы, тюремные табу, тюремное кастообразование и т.п. [8]), а также в появлении специфического ритуала тюремной прописки.

Таким образом, из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Тюремная «прописка» проводится в местах лишения свободы по сценарию, сходному с правилами ритуала посвящения, существующего в архаических сообществах. Единое строение процедуры инициации в тюремной субкультуре и в архаичных социумах позволяет отнести явление тюремной «прописки» к феномену культурной гомоплазии.

2. Сделано предположение, что причиной сходства указанных ритуалов является редукция сложных форм социальной жизни (существующая как в примитивных племенах, так и в условиях пенитенциарного пространства). Это вызывает активизацию глубинных психических структур, которые проявляются в появлении многих феноменов, свойственных тюремной субкультуре, в том числе в появлении специфического ритуала тюремной прописки.

3. В статье рассмотрены основные этапы сценария инициации (отделение, переход, инкорпорация) применительно к местам лишения свободы. Показана роль в ритуале «прописки» тюремных инициационных игр и тюремных загадок. Описаны средства стигматизации, существующие в тюремной субкультуре.

4. Отмечена роль архетипа Великой матери в формировании мифологического мировоззрения лиц, вовлеченных в тюремную субкультуру. Эмана-

цией данного архетипа является трансцендентная сущность по имени «Тюрьма», которая принимает непосредственное участие в прохождении ритуала прописки и в присвоении неофиту нового имени.

Список источников

1. Беляев И.А., Беляева Н.А. Культура, субкультура, контркультура // *Духовность и государственность*. Оренбург : Филиал УрАГС в г. Оренбурге, 2002. С. 5–18.
2. Волкова В.В. Субкультура и контркультура в современном обществе // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2014. № 12. С. 25–30.
3. Малинин В.Б., Измаков В.А. Социология культуры и субкультуры // *Здоровье и образование в XXI веке*. 2017. № 10. С. 389–392.
4. Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. М. : Права человека, 2012.
5. Лысак И.В., Черкасова Ю.Ю. Тюремная субкультура в России. Таганрог : Изд-во ТРТУ, 2006.
6. Кузьмин С.И. Становление и развитие криминальной субкультуры в России // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2018. № 3. С. 9–16.
7. Старков О.В. Криминальная субкультура. М. : Волтерс Клувер, 2010.
8. Пономарев С.Б. Анализ триады «архетип–тотем–табу» в пенитенциарной субкультуре. Ижевск : Изд-во ИжГТУ им. М.Т. Калашникова, 2021.
9. Барабанов Н.П. Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных // *Человек: преступление и наказание*. 2017. № 2. С. 164–327.
10. Малинин В.Б., Пирожков В.Ф., Трапидзе К.З. Психологическая работа с «обиженными» в местах лишения свободы // *Здоровье и образование в XXI веке*. 2019. № 3. С. 10–15.
11. Кузьмин С.И., Малетина Е.А. Классификация субкультурных отношений в криминальном сообществе // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2019. № 1. С. 21–28.
12. Тищенко Н.В. Интерпретация тюремной субкультуры в отечественной художественной культуре. Саратов : Изд. центр «Наука», 2012.
13. Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003.
14. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М. : Ось-89, 2001.
15. Геннеп А. ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М. : Восточ. лит. РАН, 1999.
16. Тернер В. Символ и ритуал. М. : Гл. ред. восточ. лит. изд-ва «Наука», 1983.
17. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. СПб. : Универ. книга, 1999.
18. Випулис И. В. Архаические инициации и неофициальные посвящения в современности // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2017. № 5. С. 129–137.
19. Пономарев С.Б., Пономарев Д.С. Феномен культурной гомоплазии // *Социально-гуманитарные знания*. 2022. № 7. С. 12–17.
20. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. М. : Изд-во полит. лит., 1983.
21. Письменный Е.В. Смысловые уровни мифологемы матери в контексте тюремно-воровской субкультуры // *Челябинский гуманитарий*. 2010. № 3 (12). С. 117–121.
22. Юнг К.Г. Символы матери и возрождения. М. : Совершенство, 1998.
23. Антонян Ю.М. Архетип и преступность. М. : Вече, 2009.
24. Колосов Д.В. Образ великой матери в мировой культуре (единично-бинарно-троично-четверичная проекция) // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2011. № 2. С. 128–140.
25. Кон И.С. Любовь небесного цвета. М. : Продолжение жизни, 2001.
26. Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология. Ростов н/Д : Феникс, 2007.
27. Пономарев С.Б. Тюремная «прописка», буддийские коаны и законы формальной логики // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2023. № 2. С. 168–173.
28. Балдаев Д.С. Словарь блатного воровского жаргона. М. : Кампана, 1997.
29. Дубягина О.П., Дубягин Ю.П., Смирнов Г.Ф. Культ тату (криминальная и художественная татуировка). М. : Юриспруденция, 2003.
30. Мамардашвили М. Опыт физической метафизики. М. : Прогресс традиция, 2009.

References

1. Belyaev, I.A. & Belyaeva, N.A. (2002) Kul'tura, subkul'tura, kontrkul'tura [Culture, subculture, counterculture]. In: *Dukhovnost' i gosudarstvennost'* [Spirituality and Statehood]. Orenburg: Branch of the Ural State University of Civil Engineering in Orenburg. pp. 5–18.
2. Volkova, V.V. (2014) Subkul'tura i kontrkul'tura v sovremennom obshchestve [Subculture and counterculture in modern society]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 12. pp. 25–30.
3. Malinin, V.B. & Izmalkov, V.A. (2017) Sotsiologiya kul'tury i subkul'tury [Sociology of culture and subculture]. *Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke*. 10. pp. 389–392.
4. Aleksandrov, Yu.K. (2012) *Ocherki kriminal'noy subkul'tury* [Essays on the Criminal Subculture]. Moscow: Prava cheloveka.
5. Lysak, I.V. & Cherkasova, Yu.Yu. (2006) *Tyuremnaya subkul'tura v Rossii* [Prison Subculture in Russia]. Taganrog: TRTU.
6. Kuzmin, S.I. (2018) Stanovlenie i razvitie kriminal'noy subkul'tury v Rossii [Formation and development of the criminal subculture in Russia]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 3. pp. 9–16.
7. Starkov, O.V. (2010) *Kriminal'naya subkul'tura* [Criminal Subculture]. Moscow: Volters Kluver.
8. Ponomarev, S.B. (2021) *Analiz triady "arkhetip-totem-tabu" v penitentsiarnoy subkul'ture* [Analysis of the "archetype-totem-taboo" triad in the penitentiary subculture]. Izhevsk: IzhSTU.
9. Barabanov, N.P. (2017) Kriminalogicheskii i psikhologicheskii aspekty kriminal'noy ideologii i obraza zhizni v kriminal'noy subkul'ture osuzhdennykh [Criminological and psychological aspects of criminal ideology and lifestyle in the criminal subculture of convicts]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 2. pp. 164–327.
10. Malinin, V.B., Pirozhkov, V.F. & Trapaidze, K.Z. (2019) Psikhologicheskaya rabota s "obizhennymi" v mestakh lisheniya svobody [Psychological work with the "downcast" in prisons]. *Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke*. 3. pp. 10–15.
11. Kuzmin, S.I. & Maletina, E.A. (2019) Klassifikatsiya subkul'turnykh otnosheniy v kriminal'nom soobshchestve [Classification of subcultural relations in the criminal community]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 1. pp. 21–28.
12. Tishhenko, N.V. (2012) *Interpretatsiya tyuremnoy subkul'tury v otechestvennoy khudozhestvennoy kul'ture* [Interpretation of prison subculture in Russian artistic culture]. Saratov: Nauka.
13. Tulegenov, V.V. (2003) *Kriminal'naya subkul'tura i ee kriminologicheskoe znachenie* [Criminal subculture and its criminological significance]. Law Cand. Diss. Rostov on Don.
14. Pirozhkov, V.F. (2001) *Kriminal'naya psikhologiya* [Criminal Psychology] Moscow: Os'-89.
15. Gennep, A. van (1999) *Obryady perekhoda: Sistematicheskoe izuchenie obryadov* [Rites of Passage: A Systematic Study of Rites]. Moscow: Vostochnaya literatura.
16. Turner, V. (1983) *Simvol i ritual* [Symbol and Ritual]. Translated from English. Moscow: Nauka.
17. Eliade, M. (1999) *Taynye obshchestva. Obryady initsiatsii i posvyashcheniya* [Secret Societies. Initiation Rites and Dedications]. Translated from French. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
18. Vipulis, I.V. (2017) Arkhaicheskie initsiatsii i neofitsial'nye posvyashcheniya v sovremennosti [Archaic initiations and unofficial initiations in modern times]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 5. pp. 129–137.
19. Ponomarev, S.B. & Ponomarev, D.S. (2022) Fenomen kul'turnoy gomoplazii [The phenomenon of cultural homoplasy]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 7. pp. 12–17.
20. Frazer, J.G. (1983) *Zolotaya vetv'* [The Golden Bough: A Study in Magic and Religion]. Moscow: Izd-vo polit. literature.
21. Pismenny, E.V. (2010) Smyslovye urovni mifologemy materi v kontekste tyuremnovorovskoy subkul'tury [Semantic levels of the mother's mythologem in the context of the prison-thieves' subculture]. *Chelyabinskiiy gumanitariy*. 3(12). pp. 117–121.
22. Jung, K.G. (1998) *Simvoly materi i vozrozhdeniya* [Symbols of Mother and Rebirth] Moscow: Sovershenstvo.
23. Antonyan, Yu.M. (2009) *Arkhetip i prestupnost'* [Archetype and Crime]. Moscow: Veche.
24. Kolosov, D.V. (2011) Obraz velikoy materi v mirovoy kul'ture (edinichno-binarno-troichno-chetverichnaya proektsiya) [The image of the great mother in world culture (single-binary-ternary-]

quaternary projection)]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki.* 2. pp. 128–140.

25. Kon, I.S. (2001) *Lyubov' nebesnogo tsveta* [Love of Heavenly Color] Moscow: Prodolzhenie zhizni.

26. Dmitriev, Yu.A. & Kazak, B.B. (2007) *Penitentsiarnaya psikhologiya* [Penitentiary Psychology]. Rostov on Don: Feniks.

27. Ponomarev, S.B. (2023) Тюремная “propiska”, buddiyskie koany i zakony formal'noy logiki [Prison “registration”, Buddhist koans and laws of formal logic]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii.* 2. pp. 168–173.

28. Baldaev, D.S. (1997) *Slovar' blatnogo vorovskogo zhargona* [Dictionary of thieves' cant]. Moscow: Kampana.

29. Dubyagina, O.P., Dubyagin, Yu.P. & Smirnov, G.F. (2003) *Kul't tatu (kriminal'naya i khudozhestvennaya tatuirovka)* [The cult of tattoo (criminal and artistic tattoos)]. Moscow: Yurisprudentsiya.

30. Mamardashvili, M. (2009) *Opyt fizicheskoy metafiziki* [Physical Metaphysics]. Moscow: Progress traditsiya.

Сведения об авторе:

Пономарёв С.Б. – доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник филиала Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний (Ижевск, Российская Федерация). E-mail: docmedsb@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ponomarev S.B. – Dr. Sci. (Medicine), professor, chief researcher of the Branch of Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: docmedsb@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.10.2024;
одобрена после рецензирования 04.04.2025; принята к публикации 17.04.2025*

*The article was submitted 27.10.2024;
approved after reviewing 04.04.2025; accepted for publication 17.04.2025*